

УДК 331.5

ДИСБАЛАНСЫ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: АНАЛИЗ ДОХОДНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Мария Николаевна Гончарова

старший преподаватель, начальник отдела наукометрии

gonchmn@usue.ru

Мария Игоревна Титанова

специалист отдела наукометрии

science@usue.ru

Уральский государственный экономический университет

г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается роль рынка труда как ключевого фактора, определяющего уровень доходов населения и, как следствие, экономическую безопасность государства. Анализируются теоретические подходы к определению рынка труда, а также современное состояние российской сферы занятости. На основе статистических данных исследуется динамика дифференциации доходов, региональные диспропорции и структурные изменения, включая рост нестандартной занятости и автоматизацию. Делается вывод о том, что дисбалансы на рынке труда (высокое неравенство, «работающие бедные», региональная поляризация) трансформируются в прямые угрозы экономической безопасности, подрывая социальную стабильность и качество человеческого капитала.

Ключевые слова: рынок труда, доходы населения, экономическая безопасность, дифференциация доходов, безработица, нестандартная занятость, социальное неравенство.

Введение

Рынок труда является ключевым индикатором состояния национальной экономики и демографических процессов, оказывая непосредственное влияние на качество жизни населения. В современных российских условиях, характеризующихся дефицитом квалифицированных кадров и структурной трансформацией занятости, вопросы взаимосвязи рынка труда, доходов населения и экономической безопасности приобретают особую актуальность [1].

Теоретический анализ показывает многогранность категории «рынок труда». В исследовании Пшихожевой Д. М. выделены три подхода к его определению: как системы социально-трудовых отношений, как инструмента регулирования занятости незанятых лиц и как критерия общественной ценности труда [4]. Общим знаменателем выступает понимание рынка труда как сложного социального института, определяющего благосостояние граждан.

Сфера занятости является критическим фактором экономической безопасности. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года прямо указывает на теневую экономическую деятельность, включая теневые процессы на рынке труда, как на одну из ключевых угроз [5]. Исследователи Зайцева Н. В. и Кандричина И. Н. выделяют ведущие индикаторы рисков: уровень безработицы, сокращение трудоспособного населения, миграцию, уровень заработной платы и даже уровень преступности как косвенный показатель социальной напряженности [6].

Несмотря на наличие исследований, посвященных отдельным аспектам рынка труда, сохраняется потребность в комплексном анализе того, как современные дисбалансы на рынке труда (региональные, структурные, доходные) трансформируются в прямые угрозы экономической безопасности России.

Целью данной работы является выявление и анализ ключевых дисбалансов современного российского рынка труда, определяющих уровень доходов населения, и оценка их влияния на экономическую безопасность государства.

Материалы и методы

Теоретико-методологической основой исследования послужили научные труды отечественных авторов в области экономики труда и экономической безопасности, а также нормативно-правовые акты Российской Федерации. В работе использовались общенаучные методы: анализ и синтез, сравнение, обобщение, а также статистические методы обработки данных (анализ динамических рядов, структурный анализ). Основное внимание уделено показателям, характеризующим дифференциацию доходов (распределение по квинтильным группам, коэффициент фондов) и состояние рынка труда (уровень безработицы, доля работников с низкой оплатой труда).

Результаты и дискуссия

Анализ статистических данных за период 2016–2024 гг. позволил выявить ряд устойчивых тенденций на российском рынке труда и в сфере доходов населения.

Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения (Таблица 1) демонстрирует стабильный дисбаланс. На протяжении всего периода доля пятой (наиболее обеспеченной) группы колебалась в пределах 45,8–47,1%, в то время как доля первой группы (с наименьшими доходами) — лишь 5,3–5,6%.

Таблица 1

Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения Российской Федерации, % [8].

Год	Всего	Первая (с наименьшими доходами)	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая (с наивысшими доходами)
2016	100	5,3	10,1	15,1	22,6	46,9
2017	100	5,4	10,1	15,1	22,6	46,8
2018	100	5,3	10,0	15,0	22,6	47,1
2019	100	5,3	10,0	15,1	22,6	47,0
2020	100	5,4	10,2	15,2	22,7	46,5
2021	100	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7
2022	100	5,6	10,4	15,4	22,8	45,8
2023	100	5,5	10,2	15,2	22,7	46,4
2024	100	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7

В 2022 году наблюдалось временное перераспределение в пользу менее обеспеченных групп (доля пятой группы снизилась до минимума — 45,8%), однако к 2024 году наметился возврат к прежней структуре. Разрыв в доходах между бедными и богатыми сохраняется на уровне около 9 раз.

Коэффициент фондов, показывающий соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных (Рисунок 1), демонстрирует долгосрочную тенденцию к увеличению. Несмотря на колебания, значение показателя остается на высоком уровне, что свидетельствует об углублении социально-экономического неравенства в российском обществе.

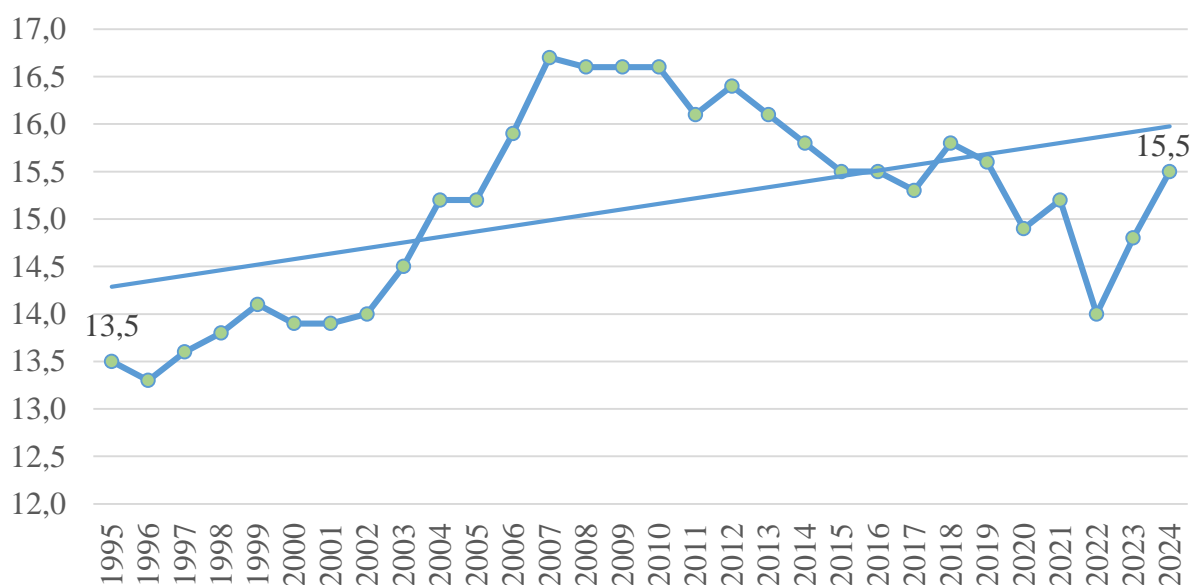

Рисунок 1 - Коэффициент фондов (соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) [15].

Исследования фиксируют рост нестандартной занятости (удаленная работа, разовые услуги, частичная занятость). По данным Земсковой Е.С. и Климовой С.В., это способствует консервации теневой экономики и усиливает дифференциацию доходов [11]. Одновременно ускоряется автоматизация: по оценкам экспертов, в колл-центрах до 80% запросов обрабатывается искусственным интеллектом [12], что вытесняет низкоквалифицированные кадры и усиливает поляризацию труда.

Наблюдается крайняя неравномерность распределения рабочих мест. Свыше 70% из них сосредоточено в Москве и Санкт-Петербурге. При общероссийском низком уровне безработицы, в отдельных регионах (например,

Дагестан) она достигает 12%, что более чем в 8 раз превышает показатели столицы [14]. Это провоцирует отток молодежи и квалифицированных кадров из периферийных регионов.

Доля работников организаций с заработной платой ниже прожиточного минимума в 2025 году составила 2,3% (Рисунок 2), что значительно ниже уровня предыдущих лет и указывает на сокращение крайней бедности среди занятого населения.

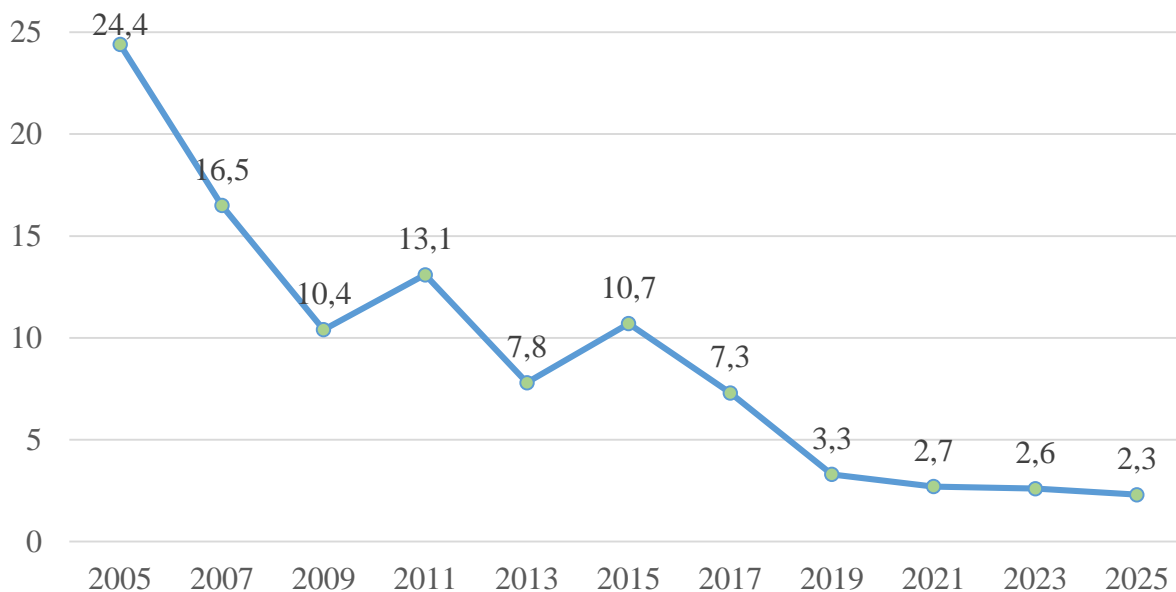

Рисунок 2 - Доля работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) с начисленной заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения, % [15].

Полученные результаты позволяют обсудить характер влияния выявленных дисбалансов на экономическую безопасность России.

Во-первых, сохранение высокой дифференциации доходов при общем сокращении доли крайне бедных среди работающих (Рис. 2) указывает на формирование устойчивого слоя «работающих бедных» и одновременный ускоренный рост доходов наиболее обеспеченной части населения. Это создает риск социальной анемии, когда формальная занятость перестает быть гарантией достойного уровня жизни, что подрывает легитимность трудовых институтов в глазах населения.

Во-вторых, зафиксированный в исследовании Григорян Ю.С. [14] разрыв в уровне безработицы между столицами и регионами (1,5% против 12%) является не просто статистическим фактом, а механизмом, запускающим

деградацию человеческого капитала на периферии. Отток наиболее активных и молодых кадров в мегаполисы лишает регионы потенциала развития, консервируя их сырьевую или депрессивную специализацию. Это прямо противоречит целям Стратегии экономической безопасности [5] в части сбалансированного пространственного развития.

В-третьих, данные о росте нестандартной занятости и автоматизации [11-12] требуют переосмысления традиционных подходов к социальной защите. Распространение краткосрочных контрактов, самозанятости и платформенной занятости, с одной стороны, повышает гибкость рынка, но с другой — выводит значительную часть трудовых отношений из системы социального страхования, формируя новые вызовы для пенсионной системы и системы здравоохранения в долгосрочной перспективе.

Интересно отметить, что позитивный тренд снижения доли работников с зарплатой ниже прожиточного минимума (до 2,3% в 2025 г.) не приводит к автоматическому снижению общего неравенства. Это позволяет предположить, что борьба с абсолютной бедностью среди работающих ведется (вероятно, за счет повышения МРОТ), но механизмы перераспределения доходов и налогообложения сверхвысоких доходов остаются недостаточно эффективными.

Таким образом, угрозы экономической безопасности исходят не только от безработицы как таковой, но и от качественных характеристик занятости: ее нестабильности, региональной поляризации и несправедливого вознаграждения.

Заключение

Проведенный анализ подтверждает, что современный российский рынок труда генерирует ряд системных дисбалансов, напрямую трансформирующихся в угрозы экономической безопасности. Через механизмы формирования доходов и занятости он детерминирует ключевые параметры национальной безопасности.

Основными угрозами выступают:

1. Устойчивое социальное расслоение: высокая дифференциация доходов (коэффициент фондов на стабильно высоком уровне, разрыв в 9 раз между бедными и богатыми) подрывает социальную стабильность.

2. Региональная поляризация: концентрация рабочих мест в двух столицах и высокая безработица (до 12%) на периферии ведут к истощению человеческого капитала регионов.

3. Прекаризация занятости: рост нестандартных форм труда и автоматизации создает слой работников с неустойчивыми доходами и без социальных гарантий, способствуя сохранению теневого сектора.

4. Сдерживание внутреннего спроса: низкие доходы широких слоев населения ограничивают потребительскую активность — ключевой драйвер экономического роста.

Выявленные дисбалансы требуют реализации комплекса мер государственной политики, направленных не только на стимулирование занятости, но и на повышение ее качества, сокращение регионального неравенства и модернизацию системы социальной защиты в соответствии с новыми реалиями рынка труда.

Список литературы:

1. Новая кадровая эра: стратегии прорыва для современного рынка труда России // Росконгресс – URL: <https://roscongress.org/materials/novaya-kadrovaya-era-strategii-proryva-dlya-sovremennogo-rynka-truda-rossii/> (дата обращения: 08.12.2025).

2. Зайцева Н. В., Кандричина И. Н. Рынок труда как составляющая экономической безопасности государства // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2021. № 1 (245). С. 112-115. EDN NTSNUM.

3. Кармова Б. З., Асланова Л. О. Особенности безработицы в России на современном этапе // Фундаментальные исследования. 2020. № 12. С. 88-92. DOI 10.17513/fr.42914. EDN LGHZJB.

4. Пшихожева Д. М. Различные подходы к определению понятия «рынок труда» // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2014. № 13. С. 144-147. EDN SFCFUT.
5. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Зайцева Н. В., Кандричина И. Н. Рынок труда как составляющая экономической безопасности государства // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2021. № 1(245). С. 112-115. EDN NTSNUM.
7. Коваленко А. А. Анализ структуры доходов населения и их распределения в Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 6-1(76). С. 125-131.
8. Уровень жизни // Федеральная служба государственной статистики - URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>
9. Баранова Е. В. Социальная компонента экономической безопасности государства // Актуальные проблемы современной науки в 21 веке: сборник материалов 4-й международной научно-практической конференции (Махачкала, 30 апреля 2014 г.). Махачкала: Апробация, 2014. Ч. 2. С. 55-58. EDN TGBTLX.
10. Экономическая безопасность: теория, методология, практика / под науч. ред. П. Г. Никитенко, В. Г. Булавко. Минск: Право и экономика. 2009. 394 с.
11. Земскова Е. С., Климова С. В. Распространение прекаризации как угроза экономической безопасности // XLVI Огарёвские чтения: материалы научной конференции (Саранск, 06–13 декабря 2017 г.) / отв. за вып. П. В. Сенин. / Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва. 2018. Ч. 3. С. 203-206. EDN XUSJEL.
12. Искусственный интеллект перешел в наступление // РБК – URL: <https://spb.plus.rbc.ru/news/6943c9057a8aa9b111363cd4>

13. Без урожая, без денег, без техники. Почему 2025 год стал худшим для российского сельского хозяйства // 74.ru – URL: <https://74.ru/text/economics/2025/12/15/76169184/>

14. Григорян Ю. С. Диспропорции и противоречия на рынке труда // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2025. № 2(82). С. 14-24. DOI 10.6060/snt.20258202.0002. EDN OOBVUJ.

15. Неравенство и бедность // Федеральная служба государственной статистики – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>

UDC 331.5

**LABOR MARKET IMBALANCES IN RUSSIA AS A THREAT TO
ECONOMIC SECURITY: AN ANALYSIS OF INCOME DIFFERENTIATION**

Maria N. Goncharova

senior lecturer, head of the scientometrics department

gonchmn@usue.ru

Maria Ig. Titanova

specialist, scientometrics department

science@usue.ru

Ural State University of Economics

Ekaterinburg, Russia

Abstract. This article examines the role of the labor market as a key factor determining household income levels and, consequently, the economic security of the state. It analyzes theoretical approaches to defining the labor market, as well as the current state of the Russian labor market. Based on statistical data, the study investigates the dynamics of income differentiation, regional disparities, and structural changes, including the growth of precarious employment and automation. The article concludes that labor market imbalances—such as high inequality, the working poor,

and regional polarization—pose direct threats to economic security by undermining social stability and the quality of human capital.

Keywords: labor market, household incomes, economic security, income differentiation, unemployment, precarious employment, social inequality.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 20.03.2026; принята к публикации 31.03.2026.

The article was submitted 25.02.2026; approved after reviewing 20.03.2026; accepted for publication 31.03.2026.